

Научное судно «Моноцит» уже целый день стояло у причала, вернувшись из полугодовой экспедиции по северным морям.

Радость встречи экипажа со своими родными осталась позади, и на борту шла обыкновенная работа по приведению судна в относительный порядок.

Часть «научников» выгружали образцы грунта для дальнейшего изучения в лабораториях института, другие писали всеразличные отчёты о проделанной работе, кто-то занимался уборкой кают, а кто-то валял дурака в кают-компании, играя в карты.

– Мужики, – в дверях кают-компании показалась голова боцмана, – вас там авансировать собираются в каюте старпома.

Карты тут же полетели на стол, средний и младший научный состав чуть ли не бегом устремился к старпомовской каюте. Шутки, подначки, подковырки зазвучали в толпе ожидающих. Приятная процедура выдачи денег постепенно подходила к концу, когда к столу подошел техник научной группы Костик Ребров.

– Распишись вот тут, – второй штурман протянул ему ведомость.

Костик посмотрел на сумму, указанную на бумаге, и просиял. Таких денег он не держал в руках ни разу в своей двадцатитрёхлетней жизни.

– Получи, – отчитал указанную сумму второй штурман и улыбнулся Костику. – С почином.

– С тебя причитается, – похлопал Костика по плечу старпом, пряча в бороде улыбку.

– Обязательно, конечно, а как же, – смутившийся Костик сгрёб деньги и рванул к двери.

– А пересчитать? Вдруг обманули? – Раздалось вслед.

– Не, всё верно, я доверяю, – прозвучало из коридора.

Костик быстро прошагал в свою каюту и заперся. Разложив на столе деньги, он минут пять рассматривал их, а потом начал раскладывать по кучкам и рассовывать по карманам.

«Эти – маме, – рассуждал Костик, – эти – себе на обновки, эти – Наташке на подарок, эти – на проставку ребятам, а эти – на поход в

ресторан с Григорием Моисеевичем».

Для него этот поход был очень важен, решалась судьба: или Юнерман берет его к себе в институт, или забыть о науке, экспедициях, новых друзьях и романтике.

Распределив деньги по карманам, Костик с опаской подошёл к каюте Григория Моисеевича. Юнермана он побаивался – и в силу разницы в возрасте, и в силу некоторой строгости начальника экспедиции. Юнерман всегда был хмур, сосредоточен, неразговорчив, и только глаза выдавали в нём незлобивого человека – высвечивалась в них какая-то озорная искорка, не позволяющая собеседнику оробеть перед всемогущим доктором наук.

Костик осторожно постучал в каюту Юнермана.

– Можно? – Открыл он дверь.

– Входи, – поднял голову из-за стола Григорий Моисеевич. – Чем могу служить?

– Григорий Моисеевич, я вот тут, понимаете... – замялся Костик, теребя непослушный вихор.

– Ну, смелее, смелее, – ободряюще улыбнулся Юнерман.

– Я приглашаю вас сегодня поужинать в ресторане, – выпалил Костик и покраснел.

– Ого! – Сделал удивлённое лицо Юнерман. – Вы меня приглашаете? А где же цветы?

– Я... нет, вы не так меня поняли. Я не приглашаю вас, то есть... нет, я приглашаю, но никак... а по-другому, – Костик умолк, окончательно смутившись.

– Ну, это понятно, что по-другому, а никак, – заиграли озорные искорки в глазах Юнермана. – А то и говорить не о чем, потому что в нашей стране это совсем не так, а всё гораздо хуже, если не сказать, что совсем капут.

Костик, стоя, умирал от стыда и злости на самого себя. Так глупо, так бездарно завалить все дело!

Но Юнерман не был бы Юнерманом, если бы продолжал шутить и дальше. Понимая состояние Костика, Григорий Моисеевич серьёзно произнес:

– Ладно, Константин, пошутили и хватит. Я согласен посетить с тобой это заведение, но с условием – обедаем каждый за свои. А спиртное за мой счёт. И не отрицай, тебе деньги самому нужны. А сейчас иди занимайся своими делами. В час встречаемся у

«Меридиана», знаешь такое кафе?

Костик кивнул.

– Ну, до встречи.

Костик, всё ещё смущенный, быстро выскочил из каюты начальника экспедиции.

Ровно в час Костя с Григорием Моисеевичем входили в кафе. Расположившись за столиком, Юнерман стал внимательно изучать меню.

– На правах старшего заказ делаю я, возражений не принимаю.

Костик согласно кивнул.

– Так, – обратился Юнерман к подошедшему официанту, – два оливье, два салата из кальмаров, два борща, две отбивные, бутылочку армянского коньяка и минералку. Попозже – кофе.

– Сделаем, – записав заказ, официант ушел.

Костик, поникший, молчал, не решаясь начать важный для себя разговор.

– Ну, как тебе экспедиция? – Спросил Григорий Моисеевич.
– Понравилась?

– О, это такой кайф, такой адреналин! – Оживился Костик. Глаза его загорелись, спина выпрямилась. – Я ничего подобного не испытывал никогда. Жалко, что пролетело всё очень быстро, как один день, даже нет – как один миг. И так не хочется верить, что больше этого не повторится!

– О, да он у тебя поэт, – вдруг раздался за спиной Костика насмешливый голос.

Костик покраснел и быстро повернулся назад.

– Всё, всё, сдаюсь, сдаюсь, – притворно вскинул руки вверх полноватый мужичок небольшого роста, одетый в потёртые джинсы и незаправленную линялую тельняшку. – Гриша, скажи своему юному другу, что я пошутил, а то он меня сейчас съест.

Григорий Моисеевич поморщился.

– Знакомься, это местная знаменитость, поэт Леонид Лямкин, – представил он своего знакомого. – А это Константин, наш младший научный сотрудник, – обратился Юнерман к Лямкину. – Кстати, тоже пишет стихи.

Лицо Кости из красного сделалось пунцовым.

– Любопытно, любопытно, – несколько поскущнул Лямкин, подсаживаясь за столик. – Многие сейчас себя считают поэтами, но о

поэзии потом. Гриша, ты, я вижу, с морей, и, конечно же, при деньгах. Угощаешь старого друга и поэта?

– Ну, а куда от тебя деться, – натянуто улыбнулся Юнерман. – Тем более ты уже уселся.

– Вот и хорошо, вот и ладушки, – потер ладони Лямкин и прокричал в зал, – официант, добавь сюда бутылку армянского и парочку салатиков для начала!

Вскоре на столе появились салаты, коньяк, минералка и борщ.

– За встречу, – поднял свой фужер Лямкин. – Гриша, за тебя, – и, не дождавшись остальных, опрокинул в себя содержимое. Тут же налил снова. – За поэзию! – Выпил и второй фужер.

Костя молча поглощал борщ, украдкой поглядывая на Леонида Лямкина. Первый раз в своей жизни Косте довелось встретиться с настоящим поэтом. Весёлый, раскованный, компанейский. Вот бы ещё его стихи послушать, а может, рассказы о встречах со знаменитостями. Ведь такой наверняка знаком с лучшими поэтами и писателями.

– Гриша, – налил себе третий фужер коньяка захмелевший Лямкин, – а давай за музу, за такую музу, которая всегда с нами, с истинными любителями искусства!

– Лёня, – укоризненно покачал головой Юнерман, – третий тост поднимают не за музу, а за...

– Да брось ты, Гриша, банальности разводить, – скорчил недовольную гримасу Лямкин и залпом выпил коньяк. – За тех, кто в море, за тех, кто не с нами... Фигня всё это. Пить надо за себя любимых, а не за кого-то там вдали.

Григорий Моисеевич чуть сморщился, но спорить с поэтом не стал, зная его капризный характер.

– Слушай, Лёня, ты что-нибудь новенькое написал? – Перевёл он разговор на другую тему.

– Не уважаешь, Гриша, ты меня, – обиженно вытянул нижнюю губу Лямкин. – У меня ни дня без строчки, как сказал один известный мудак. Кстати, и на вашу морскую тему есть немало. Счас, только выпью чуток и выдам. – Лямкин выпил очередной фужер, крикнул, закусил и повернулся к Костику.

– Слушайте, молодой человек, оценивайте и запоминайте, как сидели за одним столом с гением русской словесности, потом внукам похваляться будете.

Поэт встал, покачнулся, одной рукой схватился за спинку стула, другую вытянул вперед и начал с пафосом:

Корабли уходили в ночь,
Далеко от родного берега,
И волна убегала прочь
За кормой к берегам Америки.
Спи, родная, в тиши ночной,
Приплыву я к тебе сквозь туманище,
Охраняю я твой покой,
Ведь я главный в морях капитанище.
И когда мы вернёмся домой,
Ты на шею мою облокотишься.
Я поверю, что берег мой
Не Америка, а родных скопище.

– Bravo, Лямкин, bravo! – ухмыляясь, захолопал Григорий Моисеевич. – Это величина!

Не заметив сарказма в голосе Юнермана, поэт гордо продолжал:
– И еще из недавнего.

Люблю себя в своём лице,
И не возможно быть иначе,
Когда на зорьке на крыльце
Коровы мыкают на даче.
Я есть советский гражданин,
Я патриот своих началов,
В стране я Чацкий господин,
Как говорил актёр Качалов.
Мы все рождались из полей,
Из жнив, из гумен, из пшеницы.
Ты трогать Родину не смей,
Она – орёл, она – жар-птица.
Большой державною рукой
Она карает и лелеет,
И я иду по ней ногой,
И сердце гордостью смелеет.

Костя изумленно уставился на Лямкина. Поэт, заметив это изумление, тут же продолжил:

– А теперь самое что ни на есть самое! Да что слова, слушайте!
А вот и встал на веки миг

Во славу музе потрясённой,
Нырнул в пучину яркий блик –
Поэта стих замороженный.
Я будто памятник себе,
Ещё не есть, но скоро буду.
Пишу поэзию судьбе,
Покуда живы, не забудут!
И пусть гремит во все концы
Известное моё творение.
И пусть читают подлещи
Одно про них стихотворение.
А в нём весь я, с конца в конец,
Моёнутро, моя судьбина.
Своим стихам я сам – отец,
А кто не внемлет мне – дубина.

– Ну, Лёня, вот тут ты весь, вот тут ты себя превзошел, аки Бог,
– налил себе коньяка Юнерман. – Вот этим ты меня сразил, убил
наповал!

– А, понял, Гришка, понял потаённый смысл, – светился всем
лицом Лямкин. – Я знал, знал, что поймёшь! На руках за такое носить
надо.

– Да-а-а, это точно, на руках выносить, это шедевр на все времена,
– криво улыбаясь, согласно кивал головой Григорий Моисеевич. –
Много выпил, пока родил это?

– Не знаю, не считал. Ещё прочесть?

– Хорош, хорош, – отстранился от поэта руками Юнерман. – Дай
это переварить.

– Эх, Гриша, слаб ты на восприятие серьезной поэзии, –
пренебрежительно скривил губы Лямкин. – А вот молодой человек
хочет послушать настоящую поэзию. Ведь так? – Обратился поэт к
Костику.

Костик согласно кивнул и застенчиво сказал:

– Да, хотелось бы послушать кого-нибудь.

– В смысле – кого-нибудь? – Набычился Лямкин.

– Ну, Вознесенского или Евтушенко, например, – тихо произнёс
Костик две пришедшие на ум фамилии.

– Дерьмо и дерьмо, – брезгливо вытянул губу Лямкин.

– В смысле? – Не понял Костик.

– В смысле – два дерьма, – ответил поэт.

– Ну, может, тогда Ахматову или Цветаеву?

– Дерьмо и дерьмо.

– Ахматова и Цветаева? – Недоверчиво посмотрел на Лямкина

Костик.

– Ахматова и Цветаева – ещё два дерьма.

– Да вы что! Как же так? Ну, а Пастернак, Блок, Есенин?

– Ещё те вонючки, одна тошнота, – изобразил отрыжку Лямкин и обратился к кажущемуся безучастным Юнерману. – Гриша, что за идиота ты привёл? Он ни черта не понимает в поэзии!

– А Пушкин, Пушкин кто? – Костик приподнялся из-за стола.

– Дерьмо твой Пушкин!

– Всё, – ненавидяще произнес Костик, схватил мускулистой рукой за ворот Лямкина и пинками начал подталкивать к выходу.

– Как ты смеешь! – кричал, вырываясь, Леонид Лямкин. – Ты кого пинаешь? Ты ответишь! Ты пожалеешь! Я отомщу-у-у...

Вышвырнув поэта за порог, Костик вернулся назад к Юнерману, уверенный в том, что поставил своей выходкой крест на собственной карьере. Как же, выставил друга Григория Моисеевича. Каково было удивление Костика, когда он услышал:

– Молодец, Константин, наш человек. Быть тебе в нашей команде.

Через тридцать лет известный поэт Константин Ребров шёл на встречу со своими читателями в областную библиотеку. У центрального входа из салона «Тойоты» пожилая женщина вытаскивала две небольшие упаковки книг.

– Давайте я помогу донести, – предложил свои услуги Ребров.

– Вот спасибо, – обрадовалась женщина. – Тут рядом, на второй этаж, в хранилище.

Поднявшись на второй этаж, Ребров поинтересовался:

– А кого я нёс-то, скажите?

– Да этого... Леонида Лямкина.

– Вот чёрт, – рассмеялся Ребров, хлопнув себя по бокам. – Отомстил всё-таки, старый графоман, заставил себя на руках носить!